

Приютские дети — самые несчастные. Пожалуй, даже несчастнее детдомовских. Ведь последние не терзают себя надеждой вернуться домой: они привыкают к новой жизни и твердо знают, что другой у них не будет. По крайней мере, до тех пор, пока мачеха-система не выплюнет их за ворота госучреждения. Тем же, кто по той или иной причине оказался в приюте, каждый миг мерещится, что всё может измениться. Что строгий воспитатель вот-вот назовет твою фамилию и заставит проследовать за ним в кабинет, в комнату, где сидит заплаканная бабушка или дальняя родственница, лицо которой напрочь стерлось из памяти.

Каждый ребенок «на передержке» не живет, а существует в ожидании счастливого дня. Ест, гуляет, смотрит телевизор и принимает витамины, поглядывая на дверь. Но, как говаривал Альберт Джей Нок, нет ничего более постоянного, чем временное! Большинство таких детей не возвращаются в семьи. Иногда — потому что некуда. Иногда — потому что незачем. Чаще всего это к лучшему.

Моя история в приюте длилась долгих три года, и, скажу я вам, это был странный опыт. Думаю, чистый детский разум просто не способен уместить в себе масштабы трудностей взрослых. Ведь у тех, кто бреется и носит бюстгальтеры, постоянно что-то не ладится. Любовные перипетии, финансовые провалы, проблемы с алкоголем, комплексы на фоне невостребованности и еще куча всякой ерунды, что в конечном итоге обрушивается на хрупкие детские плечи. Иногда малыши не справляются с решениями родителей. Так они попадают в огороженные высокими заборами дома.

Вспоминая временное пристанище, я ловлю себя на дурацкой мысли: жить там — все равно что ждать автобуса, номер которого тебе неизвестен. Вокруг постоянно суетятся люди, но никто, практически никто не задерживается надолго. Приезжают одни, уезжают другие. Кто-то искренне рад тебя видеть, другим и повода не нужно, чтобы разукрасить твой глаз. Шум, давка, иногда — полное одиночество, но ты все ждешь и ждешь, когда придет пазик и отвезет тебя куда-то! Неважно куда, лишь бы подальше от остановки «Неизвестность». Как я уже говорил, большая часть брошенных крох так и не дожидается заветного желтого пятна в облаке пыли на горизонте. Но я дождался. Автобус, изменивший мою судьбу, подъехал к воротам приюта «Светлячок» в районе восьми часов утра.

То был далекий июль 2001 года... Подумать только, двадцать лет прошло, а помню этот день, как вчерашний! До сих пор в носу стоит отвратительный запах солярки, которым был пропитан каждый угол салона.

А жесткие кресла, перетянутые бордовым кожзамом?! От одного лишь взгляда на эти королевские седалища ягодицы сводило судорогой. Духота и шансон из хриплых колонок — вечные спутники на подобных маршрутах, но мне по какой-то причине запомнилось другое.

Внутреннее убранство пазика бережливо хранило следы всех наших путешествий, а из корявых надписей, вырезанных в облупившейся охре со следами наклеек, можно было узнать имена и клички тех, кто задолго до нас сотрясался в этой душегубке. Эдакая повесть временных лет на колесах.

Я долго не мог понять, что чувствую к автобусу, который перемещал нас по городу, возил на экскурсии в музеи и на льготные утренние сеансы в кинотеатр. С одной стороны, меня в нем неизменно тошнило. Каждая поездка казалась последней. Не смея попросить об остановке, я взаправду умирал! И оживал, стоило выйти на свежий воздух. С другой стороны, прибытие «хлебной булки» (так мы прозвали автобус из-за характерной формы кузова) всегда означало, что день пройдет интересно: нас обязательно перенесут в какое-то любопытное местечко. Хотя, когда живешь в приюте — рад любой вылазке.

Осознав это, я решил любить наш пазик, сколько бы страданий он ни причинял. Ведь любовь — это всегда прощение и смирение. По крайней мере, в этом убеждала бабушка незадолго до того, как отдала меня на попечение государства. Наверное, уже тогда она понимала, куда дует ветер, и потихоньку готовила меня к безрадостным переменам. Скажу сразу: не помогло и ни-сколько не смягчило удар! Приют — паршивое место,

из которого хронически мечтаешь сбежать. И это была еще одна причина любить автобус, увозивший нас от него подальше.

— Живее, скорее, расторопнее! — перебирала синонимы пышноволосая дама в очках, имя которой с годами затерялось в памяти. — Заходим! Рассаживаемся! Не балуемся! Очень скоро наша желтая субмарина отчалит, и начнутся приключения!

— А что на этот раз? Зачем нам теплые вещи? — осмелился спросить я у обладательницы густой шевелюры.

— Все-то тебе любопытно, Тёма! — усмехнулась воспитательница, поправив на носу очки с фиолетовым градиентом. — Потерпи немного, любопытная Варвара!

— Ну и ладно, — печально выдохнул я, уже предчувствуя, что старшие мальчишки до полусмерти замучают меня этой самой «Варварой».

Опустившись на лавку, я устало закрыл глаза. «Здесь и выплусь», — решил я в мыслях, поминая беспокойную прошлую ночь. Местные хулиганы пытались сделать «зассыхой» очередного несчастного из тех, кто помладше. Дождались полуночи, аккуратно вышли из палаты, миновали храпящую нянечку и шмыгнули в туалет, где набрали стакан теплой воды. В него-то и полагалось опускать пальцы сопящих пацанов в надежде, что это спровоцирует мочеиспускание. К слову, штука была рабочая: почти каждое утро кто-нибудь просыпался в холодной луже под сиплый гогот тех, кто не ведал жалости. Я не хотел быть одним из «ссыкунов», а потому — засыпал последним, когда заканчивались шорохи, смешки и скрипы.

— Ты знаешь, куда мы едем? — настороженно спросил Витька, мальчишка, с которым никто не хотел общаться (он безо всяких стаканов с теплой водой «дудонил» в кровать через ночь — детский энурез).

— Нет, ничего не знаю! — брезгливо отворачиваясь, бросил я и тут же выдохнул с облегчением, осознав, что Витька продолжил поиски места.

Дорожная качка мгновенно наваяла сон. Не замечая криков и суеты вокруг, я оперся на испещренное царапинами стекло и задремал. В то утро мне впервые за несколько лет приснилась мама. Она серьезно на меня смотрела и безостановочно говорила. Казалось, родительница стоит за плотным, звуконепроницаемым экраном: ее губы двигались, но слова не доносились. В конце нашего короткого свидания она сняла с себя нательный крест и бросила мне. Не помню, что дальше, но ощущения были жуткие. В нашей семье никогда не снимали оберегов-распятый. Мы верили, что покуда они с нами — беда не нагрянет... Проснуться довелось от резкого толчка.

— Вставай, Варвара, приехали! — издевательски бросил Артур, старший из приютских.

Потерев ушибленное плечо, я проморгался, закинул рюкзак на плечи, выпрыгнул из автобуса и присоединился к линейке, в которую выстроили воспитанников приюта.

— Итак, дети! — торжественно начала дама с химией на голове. — Мы думали сказать вам заранее, но решили, что лучше это останется сюрпризом. Мэр нашего города Еремей Миронович Лапин выделил для «Светлячка» путевки в это чудесное место! Добро пожаловать в детский лагерь «Сосновый лог»!

Только на последней фразе я додумался оглядеться. Тогда мне было невдомёк, что такое лог, но сосны сразу бросились в глаза. Могучие, грубые, с длинными лысыми стволами, они упирались в самое небо, отбрасывая густую тень. В памяти возродились образы одноклассников, каждое лето проводивших вдали от дома.

— Что же, — тихонько произнес я. — Посмотрим, стало ли им завидовать!

* * *

Детский или, по версии бабушки, «пионерский» лагерь оказался довольно странным местом. Раньше я думал, что это своеобразный рай на земле! Слушая рассказы тех, кто провел там смену, а то и две за лето, я неизменно утопал в обиде и жалости к себе. Ведь, возвращаясь загорелыми и счастливыми, эти ребята без устали рассказывали, как им было весело! Диско-теки, бассейн, игры, конкурсы, новые знакомства и, конечно, первые поцелуи. О чем еще может мечтать подросток?

На деле все оказалось далеко не так радужно. Угрюмые одноэтажные бараки разбавлялись изношенными беседками и выдавшими виды качелями. В единственном на весь лагерь бассейне вместо детей плавали листья и вездесущие сосновые иголки, ковром из которых были покрыты местные земли.

В постройке, что отвели нам для проживания, стояли полумрак и холод. Виной тому опять же проклятые сосны! Густо засаженная территория находилась в их плену. Вымахав до самых облаков, деревья сцепились

кронами и надежно спрятали лагерь от тепла и солнечного света. Но, как говорится, где-то убыло, а где-то — прибыло: комаров в «Сосновом логоу» водилось с избытком — только успевай отмахиваться!

Мечта об идеальном детском мирке, где кормят исключительно бананами и сладкой ватой, разбилась о неприветливый лик советского наследия. Мысль о том, что здесь предстоит прожить как минимум три недели, навела тоску. Впрочем, довольно быстро удалось найти жирный плюс подобных условий: шпана, что не давала проходу таким, как я, была в восторге! Возможность шататься без надзора, играя в карты и покуривая сигареты, являлась пределом их мечтаний. Приютская дедовщина подошла к концу. Нас оставили в покое. Можно было спокойно гулять, рисовать и читать архив журнала «Мурзилка» за последние 150 лет.

— Как думаешь, еще приедет кто-то? — спросил проходящий мимо Витька.

— Вряд ли, — пожал я плечами. — Слышал, как воспитательница говорила по телефону с мужем. С ее слов, этот лагерь в июне не работал. В тридцати километрах отсюда открыли новый: красивый, дорогой, со всеми развлечениями. А нас сюда направили по доброте душевной, вернее, по указанию мэра. У него там план какой-то есть, статистика.

— Жаль! — отрезал Витька и сорвался с места навстречу физруку с мячом.

Я посмотрел ему вслед и с удивлением понял, что от него больше не пахнет. С тех пор как мальчишку перестали задирать «старшаки», ночная проблема не давала о себе знать.

В бесцельных скитаниях по территории лагеря к концу подошел очередной день. Близилось время отбоя. Уставшие, а потому спокойные «деды» возвращались в корпус, неохотно переговариваясь. В десять часов вечера явилась вожатая с наволочкой наперевес. «Паужинок!» — объявила она, раскрыв тканевый мешок. Внутри таилась настоящая редкость: наливные красные яблоки, каких не сыщешь в наших широтах. Приютские охотно бросились за угощением.

— В коридоре стоит ведро. Ночью в него можно сходять по-маленькому, но всё остальное — в уличный туалет. Обулись, провернули ключ в замке и пошли потихонечку. Если кому нужно — на подоконнике рядом с дверью фонарик. Только не забудьте вернуть его на место. Все понятно?

— Угу... — блаженно промычал отряд, доедая огрызки.

Свет погас ровно в 22:15. Выдав пару глупых шуток, старшие мальчишки отключились — свежий загородный воздух действовал на них как наркоз. Они засыпали мгновенно и не просыпались до самого утра, даруя всем остальным возможность отдыхать полноценно, без страха проснуться без трусов или с ботинками на подушке.

В какой-то момент наступила гробовая тишина. Явление довольно редкое, а потому — крайне ценное для того, кто круглые сутки находится в окружении одичавших зверьков, от которых отказались хозяева. Мне же, как назло, не спалось. Привычка бодрствовать первые часы ночи держала мои веки открытыми.

В какой-то момент я закономерно ощутил давление внизу живота. Выбор оказался невелик: ведро или

уличный туалет. Первое — стыдно, второе — страшно. «Эх, зря выпил второй компот за ужином», — посетовал я, запихивая стопы в резиновые тапки. В коридоре вопрос родился заново. Около минуты я простоял неподвижно, гипнотизируя дверь. В какой-то момент я ощутил касание за плечо, от которого внутри все оборвалось.

— Тёма, все хорошо? — шепотом поинтересовалась Азиза, студентка, проходившая в лагере учебную практику.

— Да... я хотел, то есть думал, это ведро...

— Хочешь, провожу тебя на улицу? — улыбнулась Азиза, понимая неловкость ситуации.

— Нет! — вдруг воспрял я. — Мне не страшно, просто забыл, где взять фонарик! — сочинилось на ходу.

— А вот и он! — Практикантка дружелюбно указала на подоконник, укрытый занавеской.

— С-спасибо! — вымолвил я и осознал, что пути обратно нет.

Издав протяжный скрип, дверь отворилась. Сумерки, что едва сгущались в черте города, здесь казались непроглядной ночью. Я щелкнул кнопкой и легонько вытянул вперед источник света. Его луч, пробираясь сквозь толщу тумана, стал тяжелым и мутным. Легко было представить, что в руках у меня самый настоящий световой меч, с помощью которого можно обороняться. Эта мысль одновременно развеселила и заставила напрячься.

— Спокойно! — произнес я, выпустив облако пара. — С фонариком ничего не страшно. Все привидения боятся света.

Спрыгнув с крыльца, я поспешил к заросшей тропинке, что вела к будке из прогнивших досок. Капельки ледяной росы окропили щиколотки, едва кончился асфальт. Вздвогнув и поморщившись, я осветил дорожку, опасаясь встречи с каким-нибудь ядовитым гадом. Тогда мне казалось, что под ночь каждая тварь, которой не нашлось места в свете солнца, выбирается из своей норы в поисках жертвы. Больше всего пугали гадюки. Из «Энциклопедии для почемучек» я узнал, что их яд не всегда смертелен, но способен причинить нестерпимую боль. К счастью, ни одно живое создание не решилось показаться мне на глаза, хотя местность и наполнилась всевозможными звуками.

Закончив свои дела, я куда смелее двинулся обратно по кирпичикам, составлявшим тропу. Легко и во всех смыслах расслабленно я передвигал ногами и даже подумывал выключить фонарик, как вдруг застыл в иступлении. Недалеко от меня к нашему корпусу двигалась темная долговязая фигура: длиннющие конечности, покатая спина, черные как смоль волосы, выбивающиеся из-под прозрачной ткани, покрывавшей лицо. Ни на секунду я не усомнился в истинной природе создания. Люди так не выглядят. Люди не продираются сквозь заросли колючих кустов и крапивы, направляясь куда-либо.

— Мамочки! — воскликнул я, выронив фонарь из онемевшей ладони.

Существо остановилось и с хрустом повернуло голову. Полное оцепенение сразило плоть. Словно вкопанный, я не мог пошевелить ногами. Если бы минутой ранее я не наведалься в уборную, наверняка обмочился бы

от одного лишь вида нежити. Леденящая душу тень вопреки ожиданиям продолжила движение в сторону отряда. Я задышал вполсилы, опасаясь привлечь внимание, и отыскал в траве мигающий фонарик.

Силуэт из леса вплотную подобрался к стенам одноэтажного дома и вновь замер, точно обдумывая план действий. Не знаю, сколько времени прошло, прежде чем лесная нечисть, подобно пауку, начала карабкаться по стенам. Ее движения были легкими, а тело отрицало гравитацию. Призрак в считанные мгновения взобрался на крышу и осмотрелся. Что-то заставило его долго и безотрывно смотреть вдаль. Внезапно дверь корпуса приоткрылась. На крыльцо вышла Азиза. Тварь из кошмарных сновидений продолжала сидеть на черепице, словно ночная птица.

— Ну и куда ты пропал, Тём? Возвращайся скорее, холодно же!

Мои попытки заговорить не увенчались успехом. Губы дрожали в тщетном желании родить звук. Всё, на что хватило смелости, — это броситься навстречу студентке до того, как она вновь скроется за порогом. Несколько раз запнувшись, я взлетел по ступеням и кинулся в палату. Азиза успела схватить меня за плечи. Опустившись на корточки, она вкрадчиво заговорила:

— Эй, ты чего? Бледный, словно привидение увидел! Всё хорошо?

Я кивнул на автомате, но сразу понял, что так просто мне не отделаться. Собрав остатки мужества в кулак, я прошептал:

— Кажется, я увидел змею там, в траве. Гадюку!